

ЗИНА КУЗНЕЦОВА

175 ДНЕЙ НА СЧАСТЬЕ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Художественное оформление *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете Markass

Кузнецова, Зина.
К89 175 дней на счастье / Зина Кузнецова. — Москва :
Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-184993-1

В средней общеобразовательной школе № 3 никогда не происходит ничего особенного: ученики не блистают талантами, гениев и призеров всероссийских олимпиад среди выпускников нет.

Все живут своей тихой обычной жизнью, пока в школу из-за серьезного проступка не переводят новенькую.

Шестнадцатилетняя Леля, дерзкая, колючая, выглядит для местных чудно, и на ее эксцентричное поведение одноклассники не обращают внимания.

Но все меняется, как только директор объявляет, что старшеклассникам нужно обязательно поставить спектакль.

И главную роль неожиданно для всех получает именно Леля. Чем же обернется эта авантюра?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184993-1

© Кузнецова З., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Волны крутые, штормы седые –
Доля такая у кораблей.
Судьбы их тоже чем-то похожи,
Чем-то похожи на судьбы людей.*

Детская песня

175 дней на счастье

Жар-птица

1

Средняя общеобразовательная школа № 3 считалась нормальной. Талантами не блистала, не выпускала гениев, не готовила ко Всероссийским олимпиадам, и средний балл на экзаменах у ее учеников с трудом переваливал за семьдесят из ста. Но и ничего особенно плохого нельзя было сказать о ней: недавно сделан ремонт, из-за которого новый директор дошел до самых верхов, чтобы на это выделили деньги; все преподавательские ставки заняты, и учителя знают свое дело; отменили дежурства в столовых и коридорах ради улучшения качества знаний; устраивали вечеринки по праздникам для школьников и раз в полгода всех вывозили в театр.

Дети здесь учились нормальные, самые обыкновенные. Городок был совсем небольшим, работу жителям давал в основном завод (только благодаря ему город и образовался два века назад), поэтому в периоды частых родительских собраний в чатах только и видно было: «У меня два через два смена, давайте в другой день» и «Раньше шести уйти не смогу, на проходной нужно отметить». Сами школьники — те, кто мыслями уже давно осел в городе, — смотрели на красно-серые дымящие трубы завода с четким пониманием,

что их будущее там: в этом надежном, жарком и всегда нужном государству месте. А те, кто с детства признал, что горячие цеха не привлекают их, изо всех сил учили предметы, которые будут сдавать на экзамене, чтобы поскорее уехать прочь и не чувствовать за своей спиной суровый, как у рабовладельца, взгляд этих дымящих, толстых, круглых труб.

Ничего в школе страшного (или интересного) не происходило, ни с кем ничего плохого (или интересного) не случилось, и каждый день был серой, темнотуманной, как небо над заводом, копией предыдущего. И, когда в ворота школы въехал большой внедорожник на мощных колесах, которые, казалось, могут смять ступени, если машина на них заедет, все школьники и учителя с интересом посмотрели на автомобиль. Таких в их городке почти не водилось. Ну, может, у владельца супермаркета, который, как и завод, давал многим жителям рабочие места.

Дверь внедорожника открылась и хлопнула, закрывшись. Из машины выпрыгнула девочка лет шестнадцати, но выглядела она, по мнению собравшихся, чудно. В начале ноября в легких черных колготках в — прости господи! — сеточку! На ногах черные берцы, потом где-то сильно выше колен начиналась юбка, еще выше — тонкая водолазка и короткая незастегнутая куртка. Ни шапки, ни варежек. А еще ржаные длинные, до лопаток, пышные волосы и сумасшедший, по мнению всех собравшихся в школьном дворе, макияж с синими стрелками и блестками.

Потом из автомобиля вышел высокий мужчина в черном пальто. Учительницы с особенным интересом оглядели его серьезное лицо, полностью состоявшее из приятных черт, разве что слишком очевидно были на-

пряжены челюсти и сжаты губы. Вдруг чья-то мама, работавшая на заводе в офисе управления, сказала другой маме: «Да это же Андрей Петрович — наш новый директор... Помните, Сергея Михалыча же того... за присвоение госденег уволили». Так по двору и разнеслось негромкое эхо: «Новый директор... Новый директор...»

— Доброе утро, Андрей Петрович! — сказала та мама, которая работала в офисе управления.

Андрей Петрович растерянно посмотрел в толпу, не узнавая никого, и кивнул из вежливости.

Все более пристально оглядели девочку рядом с ним. Дочь, что ли? Да разве такие у директоров дочки? Где благородство, интеллигентность?.. И колготки эти, опять же, в сеточку!

— Пойдем, — сказал Андрей Петрович девочке и направился в здание школы.

Девочка будто заупрямилась: открыла дверь машины и как-то особенно сильно захлопнула ее снова. Андрей Петрович на шум не обернулся. Девочка с досадой оглядела двор, вздрогнула, когда поняла, что на нее все смотрят и видят без маски равнодушия, и тут же, сделав непроницаемое лицо, направилась следом за отцом.

Андрей Петрович шел быстро и пересек вытянутый школьный двор почти за минуту. Его дочь Леля, казалось, ценой невероятных усилий переставляет ноги. Расстояние между ними увеличивалось и увеличивалось, потом Андрей Петрович скрылся в здании школы, а Леля остановилась и достала телефон (наблюдатели отметили, что это последняя модель айфона), что-то прочитала, быстро отправила сообщение и, все еще глядя в экран, начала подниматься по школьному крыльцу. Вдруг послышался глухой удар.

— Ой!

Леля вскинула голову и увидела, как миниатюрная девочка, по виду ее ровесница, присела, чтобы поднять упавшую толстую книгу. Когда девочка посмотрела на нее, Лелю поразили светло-серые глаза, которые сияли, словно две большие луны летом на прозрачном небе. Девочка эта стояла в окружении нескольких ребят, видимо, одноклассников.

— Ничего страшного, все в порядке, — улыбнулась она и поднялась, крепко прижимая книгу к себе. Леля заметила, что это «Братья Карамазовы» Достоевского.

Леля неопределенно махнула головой и хотела пройти дальше, когда путь ей, скрестив руки на груди, преградила невысокая смуглая и черноволосая девушка. Над верхней пухлой бархатно-розовой губой у нее виднелся темный пушок. Леля сначала хотела мысленно скривиться, а потом оглядела девушку еще раз, и такой гармоничной и исчерпывающей показалась Леле ее внешность, что пушок над губой, поняла она, украшает смуглянку даже больше, чем длинные густые волосы.

— Извинись перед Сонечкой, — сказала девушка строго.

Леля не сразу поняла, чего от нее хотят. Погруженная в свои мысли, она еле поняла, о чем речь.

— Не буду, — наконец сказала Леля, собравшись с мыслями.

— Извинись!

— Не будет стоять на проходе — избежит толчков.

Леля собиралась обойти девушку, но та не дала, расставив руки в стороны. Захотелось смеяться. Леля вдруг четко поняла, что, когда утром не хотела ехать в новую школу и имела плохое предчувствие, пример-

но чего-то такого — глупого, но безнадежно конфликтного — и ожидала.

— Маш, не надо, — попросила Сонечка, — не нужно ссориться.

— Я не ссорилась бы, если бы она вела себя по-человечески.

— Да отвалите вы уже, боже мой! — Леля грубо толкнула Машу плечом и прошла.

— Охренеть, — услышала она позади себя. — Ну что за дрянь! Нет, вы видели?! Кто это вообще, кстати?

Леля раздраженно вздохнула. Снова все получилось не так: неправильно, гадко, некрасиво. Почему у нее вечно так выходит? С какими бы добрыми намерениями, с какими бы правильными мыслями она ни старалась подступить к делу, все выходило шиворот-навыворот. И будто для того, чтобы лишить этот день любого положительного финала, в школьных дверях Леля, идущая от раздражения быстро, налетела на выходявшего парня.

— Извини, — сказал он. Его левую бровь пересекал белый шрам, что делало его похожим на бравого пирата или разбойника.

Леля ничего не ответила — быстро прошла дальше, случайно задев его плечом. Хотела извиниться, но что-то помешало, удержало. Леля и сама не могла толком объяснить, почему она всегда предпочитала пойти на конфликт, сделать что-то в пику. Пару лет назад она придумала образ для гаденького чувства вредности, сидящего внутри: маленький противный рыжий клоун с уродливо разрисованным красно-белым лицом дергал в своих руках самые толстые нити, отвечающие за ее поведение, и каждый раз визгливо похихикивал от

удовольствия, когда Леля, поддаваясь его манипуляциям, грубила и вредничала.

Вот и сейчас, увидев, что жертва готова произнести слова извинения, клоун схватился за толстые нити и с силой потянул на себя. И вместо «Да ничего, и ты извини» Леля бросила парню:

— Идиот!

Она тут же пожалела об этом, но из гордости не стала исправлять ситуацию и подошла к отцу, который ждал ее у стойки охраны.

— Нам на второй этаж к директору, — сказал он.

Клоун снова было потянул на себя нити — Леле захотелось затопать ногами и сделать что-то противное, из-за чего папа обязательно рассердился бы на нее, но сдержалась. Было стыдно действовать так на глазах у всей школы.

2

В кабинете директора пахло кофе. Не таким, какой делают в дорогих кофейнях, а самым обычным, растворимым. На деревянном столе даже стояла невымытая кружка.

Кабинет был небольшим, с одним окном под потолком, заставленным стеллажами с папками и книгами. Места хватило только на рабочий стол и два кресла напротив.

Директор, низенький мужчина лет шестидесяти, встал навстречу Леле и Андрею Петровичу. Леля удивилась, увидев на нем джинсы, а не брюки. В ее прошлой школе директор ходил в костюме-тройке и требовал такой же аккуратности и изящества в одежде от других. Как-то Леля даже видела, что он отчитал свою

секретаршу за то, что та была в кедах, а не в туфлях на каблуке. В общем-то из-за подобных требований у Лели и сложились с тем директором не самые приятные отношения: носить школьную форму она наотрез отказывалась и делать менее яркий макияж тоже.

— Доброе утро! Я Сергей Никитич, — директор торопливо пожал руку отцу Лели. Но торопливо не потому, что хотел польстить большому начальнику, скорее деловитость и торопливость — его естественное поведение. Он дошел до своего рабочего места и сказал: — Проходите, садитесь. Прошу прощения за эту коморку, тут раньше ютилась бухгалтерия, а я решил, ну зачем мне двадцать квадратов одному, пусть люди там сидят, а я и тут спокойно смогу... Слушаю вас! — спохватился он. — Простите, юная леди, как вас зовут?

— Леля.

— Ольга, значит.

— Нет, Леля.

— Так чем могу помочь? С каким вы вопросом?

— Мы недавно вернулись сюда после трех лет жизни в Москве, — сказал Андрей Петрович.

— Да вы что! — обрадовался директор. — И как вам?.. Простите, продолжайте.

— И моей дочери нужна школа.

— Образование — это прекрасно! В каком вы классе, Леля?

— Окончила девятый, сейчас должна быть в десятом, — отозвалась она вежливо, тем самым благодаря директора за то, что он не проигнорировал ее просьбу относительно формы имени.

— У нас есть место в десятом. На самом деле у нас их много. После ОГЭ многие ушли в колледж, чтобы потом на заводе работать. Так что учитесь на здоровье,

Леля, учитесь! Документы у вас с собой? Паспорт, свидетельство, аттестат об основном общем образовании? Прекрасно! Можете оформиться сразу, акты готовятся в течение трех дней, но это не проблема. Можете, Леля, хоть завтра уже с новыми силами на научный фронт... Разрешите, я пролистаю личное дело?

Андрей Петрович отдал директору весь пакет документов.

— Только я должен вас предупредить, — сказал он, — что Леля человек сложный. И трудностей в прошлой школе избежать не удалось, поэтому два месяца учебного года она училась в другой школе в Москве. Это все есть в личном деле.

Директор кивал, слушая Андрея Петровича, и одновременно пролистывал бумаги. Прочитав последнюю страницу, он удивленно посмотрел на Лелю. Ей даже показалось, что в его взгляде мелькнул интерес:

— Устроила пожар в кабинете?

— Я не устраивала пожар, — сказала Леля.

— Да? А тут так написано, — возразил директор.

— Ерунда написана.

— Леля! — одернул ее отец.

— Вы знаете, Леля, я очень не люблю, когда дети врут, — сказал директор, — очень не люблю. Это хуже всего. Когда ребенок врёт, он отрицает свою ответственность. А это плохо потом в жизни аукнется и откликнется. Так, ладно... На учет в комиссию по делам несовершеннолетних вас не поставили после такого?

— Пришли к договоренности, что, если полгода Леля не будет нарушать никаких законов, запись о постановке на учет будет удалена из базы данных, — строго сказал Андрей Петрович, недовольный тем, что об этой неприятности так долго ведется разговор.

— Это хорошо. Зачем ребенку заранее жизнь ярлыками портить, да? И сколько вы, Леля, уже держитесь без нарушения законов?

— Пять месяцев.

— Желаю вам с тем же успехом продолжать в нашей школе. Я вас возьму, — сказал директор. — Андрей Петрович, к секретарю моему подойдите, она вам все расскажет и проводит, чтобы вы зачисление оформили. Если хотите, Леля, можете сейчас пойти посмотреть расписание десятого класса (он у нас один) и познакомиться с ребятами.

Леля и Андрей Петрович попрощались с директором.

— Я сейчас отдам документы. Ты пойдешь к одноклассникам? — спросил Лелю отец.

— Нет, — ответила она, — дай ключи от машины!

— Иди познакомься.

— Я не хочу.

— Как знаешь, — бросил отец и последовал за секретарем. Ключи он не дал, поэтому Леля вышла на улицу и, обдуваемая ноябрьским пронизывающим ветром, встала около внедорожника. К ее счастью, лестничная компания, как она прозвала ребят, сидящих на крыльце, уже ушла на уроки.

Завибрировал телефон. Трясущимися от холода руками Леля достала его из кармана куртки.

Мама писала: «Лелька, оцени черный пляж. Камчатка — красота!»

А дальше фотографий пять самых разных: и селфи, и просто пейзажи...

Леля отправила огненный смайлик в ответ и хотела уже написать маме, что переживает из-за перехода в новую школу; что уже, кажется, успела поссориться с од-